

Мартин Лихтмесц

СМЕРТЬ СТАЛИНА И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

---

11 марта 2013 г.

К шестидесятилетию смерти Иосифа Сталина и последовавшего постепенного роспуска системы ГУЛАГа в taz была опубликована действительно интересная статья, которая, среди прочего, поднимает вопрос об условиях и смысле коллективной исторической памяти.

Система насилия, в которой с 1930 года жестоко расправляются с миллионами, массово убивают их, уничтожают голодом и расстреливают, почти остановилась и находится в состоянии застоя. Дети, мелкие уголовные преступники, инвалиды, люди, которых произвольно арестовывали на улице, генералы, большевики, крестьяне, а также палачи и их заказчики пали жертвой этой системы. Ни один другой режим никогда еще не охватывал собственное общество таким тотальным, не поддающимся никакому учету террором. Эта система сгинула 5 марта 1953.

Тем не менее, автор подчеркивает, что «десталинизация» застряла, по меньшей мере, на символическом уровне на полпути: хотя несколько палачей, таких как печально известный Берия, сами были казнены, подавляющее большинство преступников благополучно отделалось легким испугом. Многие

жертвы никогда не были реабилитированы, и если бы дела шли так, как этого хотело правительство Советского Союза, то смерть миллионов людей была бы задвинута в угол забвения как просто сопутствующий ущерб истории.

Заключительное слово автора особенно примечательно:

«ГУЛАГ не стал частью универсальной памяти, как стала ею национал-социалистическая система. Нет сравнимого со «Списком Шиндлера» Спилберга фильма о подавленном восстании в Воркуте летом 1953 года. Нет сравнимой с фильмом Клода Ланцмана «Шоа» попытки показать видимые и невидимые преступления. Нет никакого свидетельства, сравнимого с дневником Анны Франк, которое принадлежит к репертуару памяти двадцатого столетия.

Преступления сталинизма остались в основном безликими и безымянными, без рельефного отпечатка в коллективной памяти, без фигур идентификации, без эстетических споров о том, как следует сформулировать невыразимое.

Можно увидеть в этой нарративной пустоте последний успех сталинистской попытки стереть жертвы».

Как показывают колонки комментариев, предложения вроде этих вызвали наряду с большим количеством положительных голосов среди некоторых читателей taz значительное раздражение, которые, естественно, как звучит фраза, почуяли в этом «релятивизм Холокоста». Однако в случае некоторых комментариев возникает вопрос, написали ли их здесь действительно коммунисты старой школы, или же эти комментарии были написаны скорее в качестве пародии.

Поистине, сумасбродный спор. Для более чем 90% советских граждан эпоха Сталина была временем подъема в социальном, культурном и политическом смысле. Массы сами желали перевоспитания и красного террора. Почему они должны были приравнивать ГУЛАГ к контрреволюционным учреждениям, таким как немецкие концлагеря? Странное представление.

Я предметно обсудил недостаток картин, образов и рассказов о сталинском терроре и его последствия для формирования исторического сознания в моей книге «Оккупированная территория» (Karlaken, 2010). Соответствующий пассаж в моей книге настолько похож на процитированный отрывок автора taz Штефана Райнеке, что речь в данном случае, вероятно, идет не о случайном совпадении:

«Иосифу Сталину приписывается фраза, что смерть отдельного человека – это трагедия, но смерть миллионов – просто статистика. Режим Мао Цзэдуна обвиняют в астрономическом числе от 50 до 70 млн. жертв, более чем в два раза больше, чем пользующиеся несравненно более дурной славой преступники двадцатого столетия Гитлер и Сталин вместе взятые. Чудовищное количество,

которое оставляет нас, однако, холодными и непричастными. У нас нет конкретных представлений о «Почему» и «Как» и «Где» судеб этих бесчисленных анонимных людей. Но стоит услышать знаменитое слово «Освенцим», как у нас тут же возникают известные, частично превратившиеся в визуальный стереотип, ужасные картины.

Намного бледнее, но уже значительно конкретнее, чем далекие китайские ужасы, представляются картины, которые появляются, если мы слышим такие названия как Воркута или Норильск, которые известны лишь немногим людям. Комплекс ГУЛАГа в нашей голове не связан с какой-либо иконографией, которую можно было бы сравнить с иконографией нацистских концентрационных лагерей. Прежде всего, однако, у чисел, статистики и фактов, о которых мы можем узнать у Стефана Куртуа и других авторов, нет человеческого лица. Во всяком случае, мы видим образ Солженицына перед нами, похожего на Толстого, но жертвы так же анонимны как преступники: никаких поднятых до уровня икон невинных детей как Анна Франк или маленький мальчик с поднятыми руками из Варшавского гетто, никакого Оскара Шиндлера и никакого Амона Гёта, никаких образов палачей как Ягода, Каганович или Берия.

Ставшее стереотипом преодоления предложение из еврейского предания звучит: «Тайна освобождения называется памятью». Но чья память имеется здесь в виду? Строго говоря, не может быть чего-то вроде подлинных воспоминаний вне собственного субъективного переживания, и память отдельного человека хрупка, переменчива, податлива потере и обману времени. Вне его нужно опираться на воспоминания тех, которые оставили документы и сообщения, которые можно наполнить сценами из кино в собственной голове, как при чтении романа.

Историческая память, в принципе, не означает ничего большего, чем память о фактах, которые мы выучили в школе, об остатках, которые видели, о людях, которых знали, прежде всего, однако, это память о передаваемых через книги и фильмы картины, образы, которые запоминаются сильнее всего тогда, когда с ними связано какое-либо эмоциональное переживание. Имея в виду ту картину Третьего рейха, которую создавали кинооператоры доктора Геббельса, Антон Кес писал: «То, что не снималось для кино, того также и не существовало», например, преступлений, страданий и сопротивления. Можно было бы дополнить: и того, что позже не было реконструировано в кинофильмах, тоже не существовало, по меньшей мере, в коллективном сознании будущего поколения».

Существенный момент моей книги – это осознание того, что, собственно, не существует чего-то такого как «нейтральный» и полностью «объективный» исторический нарратив, и что каждый нарратив «чего-то хочет» от своей публики:

«Даже самый трезвый историк должен иметь что-то от поэта, чтобы связать свои находки в убедительный рассказ. От ученого-историка до рассказчика историй часто только лишь один шаг. Пропагандист двигается прямо по краю этой территории: его задание состоит в том, чтобы находить картины, образы и истории, которые должны подстрекать, потрясать и убеждать, причем он сознательно идет на преувеличение, искажение или даже просто ложь.

Где, однако, полностью отказываются от того, чтобы рассказывать историю также через «истории», там она перестает оказывать моральное, мобилизующее или создающее идентичность воздействие, т.е. политическое воздействие. В этом отношении преимущественно направленный в адрес политики упрек в «инструментализации» истории слишком поверхностен. Имеется в виду, как правило, именно, прежде всего, субъективно «ошибочная» инструментализация, которая не соответствует как раз политическим желаниям того, кто и бросает этот упрек».

Красивее, а также более радикально описал это Эгон Фридель в своей «Истории культуры Нового времени» (1928-31):

«Поэтому многие исследователи истории еще сильнее уменьшили свои претензии и требовали от историка только того, чтобы он абсолютно объективно отразил соответствующее состояние наших познаний истории, в то время как он хоть поневоле и пользуется общими историческими критериями оценки, но должен воздерживаться от всех личных оценок. Но даже это низкое требование неисполнимо. Так как, к сожалению, выявляется, что человек – это неизлечимо судящее существо. Он не только вынужден пользоваться определенными «общими» масштабами, которые, подобно плохим складным линейкам, увеличиваются или уменьшаются при каждом изменении общественной температуры, но, кроме того, он чувствует в себе стремление интерпретировать, приукрашивать, дискредитировать все факты, которые появляются в его кругозоре, короче, фальсифицировать и лживо представлять их благодаря своему очень индивидуальному приговору, причем он находится, однако, в оправдывающем положении непреодолимого принуждения.

Именно только благодаря таким очень личным односторонне окрашенным оценкам он в состоянии ориентироваться в моральном мире, и именно таков мир истории. Только очень субъективная «точка зрения» позволяет ему прочно находить свое место в современности и получать оттуда проверяющий и анализирующий взгляд на бесконечность прошлого и будущего. Действительно также до сегодняшнего дня нет ни одной исторической книги, которая была бы объективна в требуемом смысле. Но если когда-то какой-то смертный найдет в себе силы написать что-то настолько беспристрастное, то констатация этого факта все еще создала бы большие трудности: так как для этого понадобился бы второй смертный, который нашел бы в себе силы прочитать что-то настолько скучное.

Намерение Ранке, что он хотел бы только рассказать, «как это было на самом деле», показалось очень скромным, но оно в действительности было очень смелым, и ему также не удалось его осуществить. Значение Ранке состояло в чем-то совсем ином: в том, что он был великим мыслителем, который обнаруживал не новые «факты», а новые взаимосвязи, которые он с гениальной творческой силой конструировал, проектировал из себя, формировал, в силу внутреннего видения, которого не могли бы дать ему ни самое обширное и глубокое знание источников, ни самая остроумная и беспристрастная критика источников.

Так как можно открыть сколь угодно много новых источников, но это никогда не живые источники. Как только человек умер, он раз и навсегда исчез от чувственного воззрения; остается только мертвый отпечаток его общих контуров. И сразу же начинается тот процесс крустификации, образования окаменелости; даже в сознании тех, которые еще жили с ним. Он окаменеваает. Он становится легендарным. Бисмарк – это уже легенда, и Ибсен скоро станет легендой. И мы все когда-то будем легендой. Определенные черты в неподходящий момент сами по себе возникают в памяти, так как они особенно сильно врезались в нее по какой-то часто совсем произвольной причине. Остаются только части и куски. Но Всё, однако, перестало существовать, безвозвратно погрузившись в ночь случившегося. Прошлое опускает завесу тумана над вещами, которые оно делает расплывчатыми и неясными, но также и более таинственными, и более внушающими: все прошедшие процессы представляются нам в мерцании и аромате магического развития событий; как раз здесь кроется главная прелесть всего занятия историей.

У каждой эпохи есть своя определенная свойственная только ему картина всего прошлого, которое доступно его сознанию. Легенда – это вовсе не одна из форм, а единственная форма, в которой мы вообще мыслим историю, можем представлять, можем снова переживать ее. Вся история – это сказание, миф, и как таковая она продукт соответствующего состояния наших умственных возможностей: нашей понятливости, способности воображать, нашей изобразительной силы, нашего ощущения мира».

Перевод с немецкого, 2020 г. На русском языке публикуется впервые!

Источник: <https://sezession.de/37107/stalins-tod-und-das-historische-gedachtnis>

[Библиотека Велесова Слобода, 2020 г.](#)